

УДК 81-25

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-2-19-25

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ¹

© *Богданова-Бегларян Наталья Викторовна*

доктор филологических наук, профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

В статье дается некоторый обзор такого любопытного лингвистического материала, каким являются прецедентные тексты, довольно активно функционирующие в нашей повседневной речи. Материал для исследования и размышлений извлечен из звукового корпуса «Один речевой день» (ОРД), который создается на филологическом факультете СПбГУ и является одним из наиболее представительных на сегодняшний день лингвистических ресурсов для изучения русского устного дискурса. Предлагаются разные пути анализа этого материала: с точки зрения того социума, которому понятны (или непонятны) эти тексты, с учетом языка-источника (русский или иностранный) и текста-источника (кинофильм, книга, анекдот, стихи, песни и т. п.), характера произведенных с текстом модификаций и степени его цельности/идиоматичности, а также с фиксацией способа его введения в устную речь и реакции на него обоих коммуникантов – как говорящего, так и слушающего.

Ключевые слова: устная повседневная речь, звуковой корпус, прецедентный текст, языковая игра.

Прецедентному тексту (ПТ) как объекту лингвистического описания трудно отказать в популярности: о нем писали многие и много. Лингвисты давно осознали, что всякий языковой текст «создается в виде цитатной мозаики» [14, р. 66], что «наша речь, то есть все наши высказывания <...>, полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [1, с. 460], что «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [6, с. 14]; и «можно сказать, что основу нашей языковой деятельности составляет гигантский “цитатный фонд”, восходящий ко всему нашему языковому опыту» [6, с. 105].

Можно даже говорить о своеобразных «загадках» прецедентных текстов, когда, интуитивно ощущая прецедентность («знакомость») того или иного выражения, порой одного только слова или словоформы, носитель языка вынужден задуматься над его (ее) источником и потом либо радуется верной «разгадке», либо удивляется собственной ошибке. Хорошим подспорьем в разгадывании подобных «загадок» является в настоящее время Всемирная сеть Интернет, обращение к которой позволяет получить ответы практически на все вопросы, в том числе о прецедентности и происхождении того или иного текста. Это открывает возможности работы с подобным материалом даже для носителей дру-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

гих языков, которые «по определению» не способны узнавать такого рода лингвистические явления (см., например, одну из работ, сделанных в соавторстве с иностранцем, объектом внимания в которой стали в числе прочего и ПТ русской устной повседневной речи [4]).

Такие же богатые возможности обнаружения подобных явлений (с дальнейшей проверкой их прецедентности в сети Интернет) открывает для исследователей и *корпусная лингвистика*, активно развивающееся в последнее время направление языкознания [9]. Именно корпусный материал и стал основой для настоящего исследования, цель которого можно определить как поиск путей лингвистического описания прецедентных текстов как языкового/речевого феномена и некоторая систематизация таких текстов.

Источником материала стал корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), работа над которым ведется на филологическом факультете СПбГУ. На сегодняшний день это, без преувеличения, наиболее представительный корпус звучащей русской речи, записанный от 130 информантов, насчитывающий более 1250 часов звучания и более 1 млн. словоформ в расшифровках (транскриптах) [12; 3; 5; 11).

Методом сплошной выборки из корпуса были извлечены прецедентные тексты разного типа, которые и позволили говорить о разных аспектах их лингвистического описания. Представим полученный спектр таких направлений анализа.

1. Весь массив ПТ можно разделить на две группы, что давно было предложено исследователями [7]: *национально-прецедентные тексты* (НПТ), понятные всем (или большинству) носителям языка, и *социумно-прецедентные тексты* (СПТ), понятные лишь членам определенного социума – гендерного, возрастного, профессионального и т. д. Примеров обоих типов ПТ в материале исследования более чем достаточно, ср.:

- ну это(:) () господи ! это () н... () **находка для шпиона** *Н [фрагмент идеологической перифразы советского периода: *Болтун – находка для шпиона*]²;
- ты хочешь кофе ? *П **их есть у меня !** [строка из одесской песни, начинающейся словами: *Вы хотите песен? – Их есть у меня!* и пародирующей известный романс Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» (1912)];
- мама # в чём ? а я тебя в чём-то обвиняю / дочик ? *П в чём ? *П **алё / гараж / можно не реветь / *П ну ?** [из к/ф «Волга-Волга» (1938 г.)];
- давай ты сядешь на табуретку / вот сюда ? # там же Галя% сидит # *Н дали табуретку присесть / да // да я знаешь / **нешком постою** [из к/ф «Мимино» (1977)];
- а / ты же поэт / да / точно // *П # **вы мне льстите** [цитата из к/ф «Служебный роман» (1977)].

Работа с корпусным материалом вынуждает с сожалением отметить, что первая группа (НПТ) неуклонно сокращается: все меньше в нашей речи тех прецедентных текстов, которые понятны *всем* говорящим на русском языке как на родном. Соответственно увеличивается число текстов из второй группы (СПТ). Объясняется это, в частности, тем, откуда приходят в нашу речь ПТ: молодежь уже не всегда смотрит те фильмы, которые «подарили» русскому языку

² О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [11, с. 242–243].

большую часть НПТ и на которых во многом сформировалось старшее поколение носителей языка. Зато молодежь легко узнает строчки из песен, в том числе на английском и других языках, которые уже не слушают их родители и преподаватели. На своем опыте постоянно убеждаюсь, что столь привычные моему уху выражения типа *Хорошо сидим! Это я удачно зашёл! Танцуют все!* и т.п. уже не вызывают никакого отклика у моих студентов, даже и хорошо образованных и вполне культурных в общепринятом смысле этого слова. Зато я не могу реагировать на те ПТ, которые они успешно обнаруживают в корпусном материале. Одним из перспективных направлений исследований в этом аспекте мог бы стать эксперимент на опознание текстов обеих групп носителями языка из разных социумов. Результаты такого эксперимента могли бы стать еще одним диагностирующим признаком, которые позволяют описывать социолингвистическую вариативность русской устной повседневной речи (о других таких признаках см.: [13]).

2. Из первого аспекта возможного анализа ПТ логично вытекает второй: систематизация материала по *языку-источнику*. ПТ на иностранных языках попадают, как правило, в пласт *иноязычных вкраплений* (ИВ) в устную речь, ср.:

- *мне говорят / *С канал Грибоедова // *П я говорю / а где Пряжка ? а он / психушка ? # *H Please / tell me ! why !* [название песни английской рок-группы «The Beatles», написанной Джоном Ленноном в 1964 г.];

- *ну это новая короче тоже приколы / вот это буквально / короче последние два года / (э) ма... устраивают массовый танец **gangnam style** / ког... когда сорок-пятьдесят человек из свадебной тусовки начинают его танцевать* [название песни южнокорейского исполнителя PSY].

Анализ подобного материала может вывести исследование на наблюдения психо- и социолингвистического толка: *кто*, при обращении *к кому* и *зачем*, с *какой целью* использует ПТ на иностранных языках. Среди иноязычных вкраплений в целом преобладают англоязычные тексты (91%, по данным М. Е. Дубровской [8]), а среди прецедентных такого рода вкраплений, по-видимому, – социумно-прецедентные, хотя встречаются и НПТ, ср.:

- *(а-э) русские корабли с русскими моряками и русскими адмиралами могут *В по примеру Юлия Цезаря / **veni vedi vici** / прийти увидеть победить* [с лат. – *Пришёл, увидел, победил* – слова, которыми, как сообщает Плутарх в своих «Изречениях царей и полководцев», Юлий Цезарь в 47 году до н. э. уведомил своего друга Аминция в Риме о победе, быстро одержанной им при Зеле].

3. Еще одним направлением описания ПТ может стать их систематизация с точки зрения *текста-источника*. Спектр этих источников достаточно широк: фильмы, книги, языковые клише, реклама, анекдоты, стихи/песни, фольклор. В примерах в настоящей статье все такие источники непременно указываются.

4. Много среди ПТ таких, которые можно считать их *модифицированными вариантами*, ср.:

- *бокалы ... # где бокалы ? # *П бокалы / сервант открой / # **а подать сюда бутылку !** # Маринкины% наверху стоят / а мои / сервант открой там / *П уже использованные* (ср.: *А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* [из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1835)]);

- *да нет / там серый номер / но он отсутствует / я его забыл на работе // @ каждый любит свой ...* (ср.: *каждый кулик свое болото хвалит* [пословица]);

- *у меня всё время ощущение / как / стыда за потерянное время // когда я слишком долго сплю / мне кажется что / что-то () несделанным остаётся / а что / непонятно* (ср.: *Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы* [из романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1932)]).

Именно такие модифицированные прецедентные тексты (МПТ) рожают самое большое количество «загадок», поскольку часто задают лишь «модель», свойственную тому или иному тексту, которую и надлежит опознать (разгадать) в ходе устной коммуникации слушателю. В этом направлении исследований было бы любопытно выявить все *приемы модификации* (трансформации), которые используются при порождении говорящим подобных МПТ, сродни тому, что было сделано, например, на материале модифицированных идиом, в том числе также извлеченных из ОРД [10].

5. Отдельный интерес представляет анализ *структуры* ПТ (от слова до текстовых фрагментов) и, соответственно, его стилистического статуса с точки зрения нейтральности/идиоматичности. Есть ПТ, которые невозможно воспринять как цельную и устойчивую единицу – таковы, например, цитаты в виде стихов или певческих фрагментов, ср.:

- *тепло // *П осень // *П осень / осень // *П осень наступила // *П падают листья // *П мне никто не надо / *П кроме ты // *С из КВНа какая-то тема *С* [МПТ стихотворения А. Плещеева];

- *мне недавно стишок рассказали / который наверно тоже народным станет // *П жизнь полна лишений / скорби / и обид // но не без сношений меж людьми бежит* [?].

Порой такая цитация в ходе общения перерастает в языковую игру, которую поддерживают оба участника коммуникации:

- *нет / они отрезали всё что можно было (э-э) ... @ ага / @ до # до () до основания / а затем / *С а () затем ! # а затем всё пришли мне* [строка из «Интернационала»];

- *вот это дом // *П и тут я понимаю / что я больше никакой информации не помню об этом // # который построил Джек // # это дом / в нём живёт много людей // *П так / а мы не туда пошли // @ а это синица // *П # ну // # которая / (...) тихо ворует пшеницу // *П в доме / который построил Джек // *П блин / правда не сюда* [строки из стихотворения А. Милна в переводе С. Маршака].

Другие же ПТ вполне могут быть отнесены к числу окказиональных идиом (в широком понимании этого термина [4]). Главным критерием идиоматичности в этом случае можно считать возможность замены ПТ словом/единицей-идентификатором, ср.:

- *сейчас буду уже собираться // *П // # отлично // *П отлично / *П хорошо пришёл // *П // # да(:) // *П ты удачно пришёл // *П // # ну ладно / скачивай у меня !* [МПТ из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» (1973) = тебе повезло];

- *а для чего на кораблях брёвна ? @ можно... // можно здесь остановиться / например // *П их строили (...) из досочек / *П а не из железячек //*

**П в некоторые (...) времена (...) не столь отдалённые* [МПТ места не столь отдаленные из «Уложения о наказаниях» дореволюционной России, по которому ссылка делилась на две степени: в отдаленные и не столь отдаленные места Сибири, = недавно].

Доля таких ПТ в нашей повседневной речи не слишком высока, но именно они позволяют говорить о так называемом *идиоматическом потенциале*, которым, несомненно, обладает наша устная речь.

6. Наконец, отдельный интерес представляет способ «введения» ПТ в устную речь и, соответственно, реакция на них и говорящего, и слушающего [2]. Анализ корпусного материала показал, что чаще ПТ употребляются говорящим абсолютно естественно, без всяких комментариев с его стороны, ср.:

- *там как-то через Нортон Коммандер нужно заходить я помню что (...) / искать вот этот номер там // @ *Н *П # так-то всё где-то написано / # зачем ? он там же // *П # ну смотря какая Лингво ещё // *П там везде поразному // *П у меня десятая / *П была шестая // *П # у Майкла есть // *П # ну у Майкла всё есть / *П как в Греции* [цитата из «Свадьбы» А. П. Чехова (1889)];

- *сметану ? *П # а лук к чему ? *П # лук / его просто в селедку *Н // # а / в селедку // *П я думал просто со сметаной его замешать с солью // # а кетчуп у тебя есть ? *П # не помню / возьму // *П а какой ты предпочитаешь / *П в это время суток ?* [из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940)];

- *выпить пиво / леди Годива / было ещё // *П не пей вина / Гертруда // *П да-да-да* [из трагедии «Гамлет» В. Шекспира].

Хотя иногда употребление ПТ сопровождается смехом (*С) – как говорящего, так и его собеседника, ср.:

- *вот / смотри // *П # внук оказался своим собственным дедушкой / то есть вот какие-то завороты / и приключения // да-да-да // *П может (...) достигнуть ? *П # военный патруль до сих пор тут ? # да ? *П (:). Эй... # ... их затопливает // *Н находится / ... на шхуне ! @ *Н // *С *П # Верещагин / уходи с баркаса !* [из к/ф «Белое солнце пустыни» (1970)];

- *так / а вообще куда мы выйдем / если пойдём вот так ? *П да(:) / знай и люби свой город ! *С* [рекламный лозунг].

Реакция на ПТ со стороны собеседника, кроме смеха, может быть тоже различной:

- 1) отсутствие реакции, что может означать, что ПТ воспринят, понят и, следовательно, его употребление говорящим было вполне уместным;

- 2) коммуникант может втянуться в затеянную говорящим языковую игру, что также означает, что ПТ воспринят и, значит, уместен.

Такой комплексный анализ прецедентных текстов на материале повседневной русской речи пока еще только планируется, список возможных аспектов их описания может быть расширен, однако уже и из приведенного перечня направлений исследования видно, сколь интересным может стать такой анализ, который способен, вне всякого сомнения, выйти на уровень когнитивистики, психо- и социолингвистики, оказаться полезным во многих прикладных аспектах, таких как лингводидактика, практика перевода, речевое портретирование, лингвистическая экспертиза и т. п.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 428–472.
2. Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в нашей речи: взгляд с позиции говорящего (раздумья над корпусным материалом) // Социо- и психолингвистические исследования. – Вып. 5, 2017. – С. 32–38.
3. Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – С. 357–372.
4. Богданова-Бегларян Н. В., Лю Даян. Идиоматика в повседневной устной речи (к разработке методики описания) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 16–27.
5. Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³–2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скредин. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 14–20.
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Вып. IX / ред. И. Прохорова. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
7. Должикова С. Н. Прецедентные феномены в английском языке // Сфера услуг: инновации и качество. – 2011. – Вып. 2. – С. 18–27.
8. Дубровская М. Е. Иноязычные вкрапления в русской устной спонтанной речи как результат диалога культур // Язык. Культура. Образование. Материалы III межвуз. науч.-практ. конф. – СПб.: МВАА, 2017. – С. 25–27.
9. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: учеб.-метод. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 48 с.
10. Лю Даян. Модифицированные идиомы в русской повседневной речи // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 1 (15). – С. 20–34.
11. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллект. монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
12. Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / Matoušek V., Mautner P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 57292009. – Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. – Pp. 250–257.
13. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian // *SPECOM 2016*. Lecture Notes in Artificial Intelligence. LNAI, vol. 9811. – Springer, Switzerland, 2016. – Pp. 100–107.
14. Kristeva Ju. Word, Dialogue, and Novel // *Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art*. – New York: Columbia University Press, 1980. – Pp. 64–91.

PRECEDENT TEXT IN ORAL EVERYDAY SPEECH:
POSSIBILITIES OF THE LINGUISTIC DESCRIPTION

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

St. Petersburg State University

11 University Emb., St. Petersburg 199034, Russia

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

The article gives some overview of such interesting linguistic material as precedent texts, which are quite actively functioning in our everyday speech. The material for research and reflection is extracted from the speech corpus "One speaker's day" (ORD), which is created at the faculty of Philology of St. Petersburg State University and is one of the most representative today linguistic resources for the study of Russian oral discourse. The article offers different ways of analyzing this material: from the point of view of the society, which understands (or does not understand) these texts, taking into account the source language (Russian or foreign) and the source text (film, book, joke, poems, songs, etc.), the type of the modifications made with the text and the degree of its integrity/idiomatic, as well as fixing the method of its introduction into the oral speech and the reaction of both communicants - both speaking and listening.

Keywords: oral everyday speech; speech corpus; precedent text; language game.